

R E C E N Z J E

Л.П. Дядечко: «*Крылатый слова звук*», или *Русская эттология*.
Киев: «Аванпост-Прим» 2007, ss. 336.

Появление на прилавках анализируемого учебного пособия нельзя считать случайным. На суд читателей вынесен адаптированный для студентов уникальный курс эттологии, основы которого были изложены Л. П. Дядечко в монографии 2002 г. *Крылатые слова как объект лингвистического описания: история и современность* (Киев 2002). Автор ставит перед собой поистине масштабную цель: создание целостной концепции, раскрывающей лингвистическую природу крылатых единиц, их гносеологические и онтологические свойства, специфику функционирования в русском языке с учётом динамических характеристик. К достижению этой цели Л. П. Дядечко упорно шла со второй половины 1980-х годов, когда заявила о себе как талантливый исследователь. Уже первые её работы, посвящённые анализу литературных реминисценций (1988) и цитат-реминисценций (1989), привлекли внимание специалистов глубиной проникновения в лингвистическую сущность описываемых явлений, добротностью привлекаемого материала и научной тщательностью. Цикл статей, написанных в 1990-е и в начале 2000-х годов, а также выступления на международных и всеукраинских форумах, теоретически и практически «прокладывали дорогу» к этому завершающему труду. Л. П. Дядечко вводит в научный обиход крылатые слова (КС) и крылатые выражения (КВ) — неологизмы (восходящие к творчеству М. Булгакова — 1992, к произведениям И. Ильфа и Е. Петрова — 1997, к наследию Б. Пастернака — 2000, к стихотворениям А. Л. Барто — 2006 и др. авторов); собирает уникальную картотеку, фиксирующую новые крылатые единицы русского и украинского языков, порождённые самыми разнообразными источниками, — песнями, кинематографом, телевидением, рекламой, средствами массовой информации, театром, художественной литературой и т. д. Итогом этой поистине подвижнической работы стали 4 выпуска материалов для словаря *Новое в русской и украинской речи: Крылатые слова — крилаті слова* (Киев 2001–2003), а также фразообразовательный словарь *Вокруг да около рекламы* (Киев 2007). Около 2000 неологизмов-крылатых единиц (половина из них отмечена впервые именно Л. П. Дядечко) не просто зафиксированы исследовательницей, как это принято сейчас делать в популярных справочниках. Они описаны с точки зрения генетической, семантической, стилистической, коммуникативной и проиллюстрированы многочисленными примерами.

Учебное пособие «*Крылатый слова звук*», или *Русская эттология* являет собой квинтэссенцию раздумий автора над лингвистической сущностью, пожалуй, наиболее сложного объекта лингвистического исследования, наука о котором сформировалась относительно недавно — в последние два десятилетия XX столетия — и получила название «крылатология». Работа Л. П. Дядечко, безусловно, является важной вехой на пути становления нового раздела лингвистических знаний и закрепления за крылатыми единицами (КЕ), или этнонимами (термин Л. П. Дядечко), языкового статуса.

В крылатологии-эптологии сложилась парадоксальная ситуация, когда лексикографическая практика, практика фиксации и толкования крылатых единиц, на столетия опередила теоретическое осмысление сущности самого объекта описания. Игнорирование языкового статуса крылатых единиц, отсутствие чётких

лингвистических критериев, которыми следовало бы руководствоваться при их отборе и квалификации, стали особенно очевидны в 80–90-е годы прошлого века. И хотя всем ходом своего развития восточнославянская наука готовила почву для создания учения о КЕ, подлинным толчком к его рождению стал лексикографический бум 1990-х–начала 2000-х гг., совпавший с возросшим интересом носителей языка к прецедентным текстам. Именно это время, время бурного развития лингвокультурологии, текстологии (с её ответвлением — интертекстологией), а также качественных изменений, происшедших во фразеологии, вызвало к жизни множество словарей и справочников, которые представляют единицы, отмеченные «печатью авторства».

Перипетии становления крылатологии (эптологии) как особой отрасли лингвистики отразились и на структуре анализируемого учебного пособия, и на его содержании. Книга состоит из введения, четырёх глав и заключения; а завершается вопросами и заданиями к каждой из глав и списком цитируемой и упоминаемой литературы.

Отметив во введении, что КЕ — КС(в), по символике, принятой автором, — «являются одним из важных источников удовлетворения интеллектуальных и художественно-эстетических потребностей общества в процессе коммуникации» (с. 3), Л. П. Дядечко прослеживает этапы становления знаний о КЕ с проекцией на судьбы фразеологии, что вполне объяснимо: 90% КЕ представляют собой сверхсловные образования. Она выделяет 5 этапов формирования фразеологии как особой лингвистической дисциплины: 1-й этап — «довоиноградский», подготовительный (XIX в. — 1930-е гг.); 2-й этап (1940–1950-е гг.), связанный с появлением фундаментальных трудов В. В. Виноградова, с публикацией работ Б. А. Ларина, С. И. Ожегова, Л. А. Булаховского; 3-й этап (1960–1970-е гг.), знаменующий рождение фразеологических концепций и методов исследования, обеспечивших русской фразеологии лидирующие позиции в мировой науке; 4-й этап (1980–1980-е гг.), характеризующийся «многоаспектностью изучения идиоматического фонда в рамках сложившихся фразеологических школ» (с. 5). Говоря о 5-м этапе развития фразеологии, Л. П. Дядечко выделяет «интенсивный» (термин В.Н. Телия) и «экстенсивный» подходы к изучению сверхсловных языковых единиц, которые неизбежно наталкивали фразеологов на изучение КВ, и предлагает третий подход к анализу КВ — «интенсивно-экстенсивный». Именно интенсивно-экстенсивный подход, по мнению автора, позволяет вывести «исследование за рамки фразеологической парадигмы, так как предусматривает анализ всех структурных типов КС(в): и устойчивых оборотов, грамматически организованных как словосочетания или предложения (по типу идиом, пословиц, поговорок), и объединений фраз, и однокомпонентных высказываний и собственных имён, т. е. целно- и раздельнооформленных образований, — а также даёт возможность углубить описание КС(в) благодаря разработанной методике» (с. 6).

В главе I *Что и как изучает эптология (методологические подходы)* глубоко и всесторонне представлена картина зарождения метаязыка науки о КС(в). Истоки крылатологии, или эптимики (термин Л. П. Дядечко), описаны как история фиксации и филологической обработки КЕ-эптимики в разнообразных лексикографических трудах и как история теоретического осмысления сущности КЕ. Тщательно и многогранно проанализирована предыстория складывающейся науки. Л. П. Дядечко с подлинным уважением заново прочитывает, казалось бы, широко известные труды своих предшественников, находя в них интересные мысли, имеющие отношение к избранной теме исследования. В параграфе 1-ом этой главы *Метаязык науки о крылатых словах* читатель найдёт множество тонких замечаний, касающихся квалификации отдельных КЕ и их прототипов составителями словарей и справочников. Л. П. Дядечко выявляет основные пласты КЕ, попавших в поле зрения лексикографов, и замечает, что отсутствие «надлежащей базы для теоретической разработки языковых феноменов,

отмеченных «печатью авторства»), в целом и их постижение исключительно в свете фразеологической идеологии в частности сыграли свою отрицательную роль в процессе формирования системы терминообозначений в исследуемой области». Следовало бы добавить: ни у кого из лингвистов не возникало сомнений относительно языкового статуса однословных КЕ; ожесточённые споры велись по преимуществу вокруг сверхсловных КЕ, крылатых выражений (КВ), а они составляют, по нашим данным, абсолютное большинство фонда КЕ национального языка, потому именно позиции фразеологов оказались так важны в решении теоретических вопросов крылатологии-эптологии.

Глубокое уважение к трудам своих предшественников и объективный анализ достижений учёных, внёсших свою лепту в становление метаязыка крылатологии-эптологии, — характерная черта рецензируемого учебного пособия. Л. П. Дядечко справедливо отмечает одну крайность, которая наметилась в исследованиях о КЕ последних десятилетий XX–начала XXI столетия, — механическое объединение интертекстуального и фразеологического подходов, что привело к нивелированию дифференциальных признаков КЕ, заложенных в их лингвистическом толковании. Классическими образцами такой нивелировки, на наш взгляд, могут послужить составленный интертекстологом К. В. Сидоренко и сторонником «узкого» понимания фразеологии В. М. Мокиенко *Словарь крылатых выражений Пушкина* (1999; переизд. 2006), где наряду с двумя сотнями подлинных КВ помещено свыше 800 обычных цитат, а также словари КЕ, восходящих к кинематографу: Е. С. Елистратова, зафиксировавшего около 1 000 оборотов из популярных отечественных фильмов (1999) и *Большой словарь: Крылатые фразы отечественного кино* А. Ю. Кожевникова (2001), где перечислено и «паспортизовано» 15 000 единиц. Подобное «отклонение влево» явилось неадекватной реакцией на «исключение» КВ из числа языковых единиц многими сторонниками «узкого» понимания фразеологии. Не случайно Л. П. Дядечко специально останавливается на вопросе о крылатых выражениях как предмете фразеологических дискуссий. Автору удалось обозначить все «болевые» точки складывающейся науки о КЕ-эптонимах и сформулировать основные задачи, требующие безотлагательного решения. Важнейшая из них — преодоление диспропорции и параллелизма в изучении однословных и сверхсловных «эптонимов» (собственно крылатых слов и крылатых выражений) «путём создания синтезирующей концепции», которая, по справедливому замечанию Л. П. Дядечко, должна строиться прежде всего на семантических основаниях.

Автор учебного пособия проявляет себя как зрелый учёный, обосновывающий право на существование особого раздела лингвистики — крылатологии-эптологии, науки, объектом которой должны стать все единицы, отмеченные «печатью авторства» или восходящие к определённому тексту, — и крылатые слова, и крылатые выражения. Параграф 1-ый первой главы заканчивается детальным описанием стройной терминосистемы нового раздела лингвистики — крылатологии-эптологии (*эптонимия, эптонимичный, эптонимичность, эптонимика, эптонимический, эптонимизироваться, эптонимизация, деэптонимизация* и др.) Центральное место в этой терминосистеме занимает *эптоним* — «интегрирующее понятие, соотнесённое с целью- или раздельнооформленной общезыковой номинативной единицей, которая сохраняет ассоциативную преемственную связь с автором или текстом, её породившим; или, иначе, то же, что *крылатые единицы* либо одно- и многокомпонентные *крылатые слова* в узком — эптологическом — смысле» (с. 26).

В параграфе 2-ом главы 1-ой Л. П. Дядечко, проанализировав ряд лексикологических и фразеологических методов, описывает разработанный ею специально для анализа КЕ метод двойной аппликации, предусматривающий два этапа: первый — наложение прототипа (исходного текстового фрагмента) на одноимённое речеобразование, легко

конструируемое или существующее в общенародном языке; второй — наложение эпитона на прототип, что способствует раскрытию специфики эпитона как вторичной номинативной единицы.

В главе II рассматривается первый шаг двойной аппликации. Здесь же автор вскрывает сущность вербального импринтинга как фактора эпитоничности (с. 92–129). «Как и в зоопсихологии, в эптологической сфере, — пишет Л. П. Дядечко, — познанный первым объект — текст — предпочитается всем новым, однородным или уподобленным им, наделяется особыми свойствами, оказывающими влияние на поведение субъекта, поэтому произвольное запоминание этого текста (или его части) [...] можно назвать вербальным импринтингом». Значит, в роли импринтируемого объекта в вербальном импринтинге выступает текст, который, попадая в поле зрения первым, «фиксируется», расцениваясь как исходный, и затем регулирует речевое поведение языковой личности по линии кодирования — декодирования» (с. 97). Теория вербального импринтинга помогла автору ответить на множество вопросов, возникающих при изучении столь сложного объекта исследования, каким оказалась для лингвистики крылатая единица (зарождение социальных, национально-культурных стереотипов, роль текста-источника в формировании эпитонимов, лингвистические и экстралингвистические факторы, способствующие и препятствующие эпитонимизации, речевое поведение языковой личности и т.д.).

Проанализировав все существующие точки зрения на КЕ-эпитонимы, основываясь на результатах проведённого ею самой лингвистического эксперимента, Л. П. Дядечко аргументирует свой собственный взгляд на объект исследования, вполне справедливо считая главным дифференциальным признаком эпитонима генетический. Убедительно доказывает она взаимосвязанность воспроизводимости и устойчивости как дифференциальных признаков крылатых единиц и уточняет дефиниции этих важнейших категорий, понимая под устойчивостью относительное постоянство формально-содержательных признаков крылатого слова (или сочетания слов) как целостного языкового образования, наблюдаемое при его воспроизведении-повторении в ситуации, онтологически отличной от исходной, то есть тогда, когда такое повторение не связано с изначально определёнными для самого текста-источника формами бытования.

В главе III (с. 176–313) анализируется второй шаг двойной аппликации в синхроническом и диахроническом аспекте, выявляются общие закономерности употребления эпитонимов. Л. П. Дядечко показывает процесс вхождения эпитонимов в структуру языка, превращение их в общенациональное достояние. Автор убедительно доказывает, что процесс эпитонимизации сопровождается отрывом крылатых единиц от своих источников и стабилизацией структурно-семантических характеристик как «демаркацией границ варьирования их формы и содержания». Глава содержит множество существенных наблюдений, которые уточняют представление о результатах диахронических изменений на пути превращения какого-либо микротекста в КЕ. Так, например, автор приходит к выводу о том, что полисемантизация КВ осуществляется по тем же принципам, что и становление основного значения КВ, а наибольшее число семантических вариантов КВ — 4; вполне обоснованно говорит о том, что формально-семантическая стабилизация проходит по линии упрощения структуры КВ и осовременивания его лексического состава, что специфика семантической стабилизации проявляется в ограниченном, в сравнении с формированием переносных значений в лексике и фразеологии без «печати авторства», наборе семантико-деривационных моделей. Наблюдения Л. П. Дядечко подтверждают мысль о том, что, как и денотативно-сигнификативный компонент значения, стилистический компонент КВ нередко не совпадает со стилистической окраской прототипа; она нашла ответ на вопрос, почему КВ, подвергаясь множеству трансформаций, способно сохранить своё

тождество: в случае формально-семантических преобразований дезинтеграционным процессам препятствует внутренняя форма КВ, которая играет организующую роль в семантической структуре КВ, формируя её денотативно-сигнификативный и коннотативный макрокомпонент, наделяя весь оборот авторитетностью, отсылая участников коммуникации к «ментальной картинке» — аналогу исходной ситуации, отображённой в тексте-источнике. Л. П. Дядечко абсолютно права, когда говорит, что КЕ выполняют не только номинативную функцию, отягощённую экспрессией: они используются как средство языковой игры, участвуют в «карнавализации», которая отражает установку говорящих на театрализацию речи, характерную для современной непринуждённой коммуникации, на интертекстуальность.

Учебное пособие содержит оригинальную цельную концепцию, которая может быть признана ядром новой лингвистической дисциплины — крылатологии-эптологии. Всесторонне рассмотрев свойства КЕ-эптонимов (экспрессивность, выразительность, краткость — для КВ, культурно-национальную ценность и др.), автор специально останавливается на одном из самых спорных вопросов — месте КЕ в языковой системе. Ей удалось на огромном материале показать номинативный характер не только КВ, функционирующих в качестве частей предложений, но и тех КВ, которые играют роль независимых предложений. Самые лучшие страницы данной главы посвящены вскрытию механизма зарождения эптонимичности.

В главе IV *Основные принципы современной эптографии* (с. 290–313) автор предлагает новаторскую концепцию, которая вполне может быть реализована на основе создания мультимедийной версии словаря КЕ. Исходя из положения о том, что иллюкативная сила эптонимов формируется при участии трёх векторов — прототипического, системного и актуального, — Л. П. Дядечко настаивает на том, что все три составляющие эптонима должны быть отражены в словарном описании мультимедийной версии словаря КЕ. Мультимедийный вариант словаря КЕ, считает автор, практически снимет ограничения в объёме сведений, предлагаемых пользователю, и позволит применить разные способы их представления сообразно типу информации, изоморфному первоисточникам эптонимов: текстовому, фотографическому, аудитивному, аудиовизуальному». В соответствии с выдвинутой концепцией, словарная статья должна состоять из трёх блоков: блока текста-источника, блока, охватывающего узуальные признаки КЕ, блока вторичных текстов, использующих эту КЕ. Такая концепция вполне согласуется с традициями восточнославянской лексикографии, являясь одновременно творческим её развитием.

Заключение содержит выводы по проделанной работе, представленные как сжатое изложение взглядов исследовательницы на сущность КЕ-эптонимов — языковых единиц особого рода, — на их происхождение по принципу вербального импринтинга, на формирование у них эптонимического значения, на специфику их функционирования и возможности превращения их в безымянные языковые единицы.

Естественно, большая, интересная работа Л. П. Дядечко, уже в силу своей необычности и новизны, не может не вызвать ряд вопросов дискуссионного характера. Некоторые положения автора наталкивают на размышления, другие кажутся спорными.

Так, например, несмотря на очевидную стройность и словообразовательное удобство новой, эптологической терминологии, предложенной автором, она не может быть признана идеальной: сама Л. П. Дядечко непроизвольно возвращается к старым, привычным терминам *крылатое слово* (КС) и *крылатое выражение* (КВ), да и свои эптонимы делит на КС и КВ в зависимости от их структуры. Видимо, у старых терминов есть свои достоинства, несмотря на то, что и корень у основного термина не греческий, и, согласимся, словообразовательное гнездо не совсем удобно «вить» (*крылатология, крылатика, крылатизация*). Однако за термином *крылатое слово* —

почти полуторастолетняя традиция употребления в германском и более чем столетняя традиция употребления в восточнославянском (а теперь и в западнославянском) научном ареале. К тому же, это прозрачный термин, понятный не только лингвисту, но и основному адресату словарей крылатых единиц — славянскому читателю.

В работе неоднократно подчёркивается цитатное происхождение эпонимов, хотя существует масса случаев формирования КЕ в результате «сгущения мысли» текстов или их фрагментов, и тогда КЕ может не иметь «цитатного прототипа» в непосредственном своём источнике. К тому же, назвать цитатами эпонимы типа *Митрофанушка*, *Манилов*, *Рэмбо*, *Джеймс Бонд* и им подобные вряд ли было бы корректно.

Провозгласив тезис о выделении эпонимического пласта из ряда номинативных языковых единиц на основании с е м а н т и ч е с к о г о признака, автор уточняет понятие эпонима, называя дифференциальными их признаками: 1) культурную и/или национальную детерминированность и часто социальную ориентированность, 2) воспроизводимость, 3) происхождение из запечатлённых массово-коммуникативных текстов и сохранение с этими текстами ассоциативно-генетических связей, 4) экспрессивность и — для КВ — 5) тяготение к лапидарности. Думается, что вполне оправданное выделение из массы номинативных единиц лексико-фразеологического фонда собственно крылатых единиц зиждется только на отмеченности «печатью авторства» или источника в широком смысле этого слова, которая пронизывает семантическую структуру всех КЕ и обеспечивает их образность и коммуникативную ценность. Прочие же признаки — воспроизводимость и связанная с нею устойчивость, тяготение к лапидарности — касаются только сверхсловных КЕ / КВ, а культурная и/или национальная детерминированность, а также социальная ориентированность присущи множеству безымянных языковых единиц.

Однако, как уже говорилось выше, эти замечания носят дискуссионный характер и никак не могут повлиять на общую высокую оценку рецензируемого пособия.

Светлана Г. Шулежкова

M. Krajewska: *Polsko-rosyjski słownik Lemowych neologizmów*.

Toruń: Towarzystwo Naukowe w Toruniu 2006, ss. 164.

Przekład neologizmów na język obcy to zadanie częściej chyba rozwiązywane praktycznie niż roztrząsane jako problem teoretyczny. Rozwiązania praktyczne są niejako wymuszane okolicznościami mówienia o tej codzienności życia w innych krajach, która nieustannie przynosi nowe i neologizmami właśnie nazywane zjawiska, stany, procesy. Do praktycznego radzenia sobie z neologizmami zmusza z kolei tłumaczy decyzja wzięcia się za przekład dzieła, którego neologizmy są częścią organiczną; tu nie ma wyboru. Z kwestią wyboru mają natomiast do czynienia leksykografowie, przy czym jest to istotnie „kwestia wyboru”, a nie po prostu „wybór” jako czynność techniczna: trzeba sobie odpowiedzieć na pytanie, co to właściwie jest neologizm, jakie kryteria (chronologiczne, onomazjologiczne, stylistyczne itp.) go konstytuują, jaki powinien być zasięg prezentacji neologizmów w siatce hasłowej słownika ogólnego itd. — a są to już pytania natury teoretycznej. Ich złożoność rośnie, gdy pod uwagę wziąć leksykografię dwujęzyczną: słowniki przekładowe, pisał Jan Wawrzyńczyk, „z zasady nie nadążają za zmianami w języku czy to lewej, czy to prawej strony słownika, rejestrując niepełny obraz danego języka z tego czy innego okresu rozwoju jego zasobu leksykalnego” (J. Wawrzyńczyk, *Neologizmy jako addenda do leksykografii polsko-rosyjskiej*. W: *Polsko-rosyjskie minucje słownikowe*. Red. J. Wawrzyńczyk. Warszawa–Poznań 1988,